

—И вдруг Гострем сообщает мне, что моё дело решилось, и на октябрьской секции Учёного совета ИЗМИРАН я буду избираться по конкурсу на должность старшего научного сотрудника. Теперь я думаю, что это произошло не раньше, а лишь через год после аттестации в обсерватории не столько по нежеланию Гострема, сколько по объективным причинам - не было денег, долгое прохождение документов через конкурсную комиссию, и если бы Гострем так всё и объяснил мне, напряжённости в наших отношениях было бы поменьше. Похоже, ему нравилось или казалось удобным держать меня в неизвестности, в неопределённом, подвешенном состоянии и делать вид, что всё зависит только от его воли и от моего поведения.

—Так или иначе, но в очередной мой приезд в ИЗМИРАН меня поздравил Мигулин и выразил надежду, что я оправдаю доверие дирекции своими научными достижениями и... благоразумным поведением - многозначительно добавил он. На что присутствовавший тут же Гострем отреагировал радостным ржанием. На самом голосовании (тайном) на секции Учёного совета я не был. Гострем сказал, что был один голос против. Возможно, что он сам. А, может, и нет.

—Повышение моё в должности совпало с приездом моих родителей, которые гостили у нас с 30 октября. Папа пробыл две недели и улетел 14 ноября, а мама осталась ещё на мой день рождения - исполнилось 30 (!) лет - и уехала 2 декабря. На моём дне рождения весело гуляла толпа народа, который весь нравился маме. Сама весёлая, она любила весёлых людей. Пели песни, плясали, спорили до хрипоты...

А тем временем и очередной сезон зимней рыбалки подошёл. Зима в этот год началась рано, и 15 декабря я уже первый раз ходил на судака. Правда, и закончился сезон рано - последний выход был 9-го февраля. А всего выходов было 14 за семь недель, в каждую субботу и воскресенье, и выловлено за эти выходы 10 судаков и один налим. Если учесть, что в последний выход я поймал 4 судака, то на остальные приходится в среднем один судак за два выхода. Не густо, но энтузиазма моего это не убавляло.

Особо запомнились мне три рыбалки. Один раз я взял с собой Володю Пилюгина, который до этого вообще не бывал на зимней ловле, в судаков не верил и радовался редким поклёвкам корюшки. Ловили мы в пятидесяти минутах ходьбы прямо от Соснового Бора. Полдня у нас прошло без судачьих поклёвок, изредка попадалась корюшка. Володя прихватил с собой бутылку "Старки", полагая, что без этого рыбалок не бывает. В обед захотелось есть, и я, чтобы не разочаровывать Володю, согласился на то, чтобы выпить по стопке. Хорошо помню, как, закусывая согревающий напиток хлебом с салом, я увидел, что у одной из судаковых удочек притопился поплавок. Я подсёк и вытащил судачка на полкило. Володя был в восторге, а тут сразу же - бац! - и вторая поклёвка. Теперь выскочил полноценный судак килограмма под два. Больше, правда, судаки не клевали, но мы и тем были довольны. Я отдал Володе маленького судака и всю корюшку, так что оба вернулись домой с уловом.

С середины января с запада пошли циклоны. На большей части залива лёд разломало, припай тянулся километра на два-три от берега, не больше, дальше начиналась чистая вода. Как-то я устроился ловить недалеко от края льда, пробил несколько лунок, ходил от одной к другой, но нигде не клевало, как и у сидевших поблизости рыбаков. Уже к вечеру я в очередной раз подошёл к одной из лунок, в которой неподвижно застыл поплавок судаковой удочки, собираясь поблеснить, поиграть блесной, - может, кто соблазнится. Я взял в руку удилище и поднял его, но едва леса натянулась, я почувствовал тяжесть. Стал тянуть - сопротивление больше обычного, и вот из лунки показывается разинутая пасть какого-то непонятного жёлто-зелёного страшилища. Я даже не сразу сообразил, что это налим. Таких крупных, больше двух килограммов, я ещё не видел. Попадались на корюшкинские удочки налимчики по 300-500 граммов, а этот - прямо гигант и

сопротивляется сильнее судака такого же веса. Но самым примечательным у этого налима было отсутствие одного глаза; говорят, пиявки им иногда глаза выедают.

— Налим относится к семейству тресковых, и мясо по вкусу почти не отличается от трескового, и печень - крупная, жирная, - такой же деликатес. И чистить его легко - шкура снимается чулком как с угря. У судаков, кстати, я шкуру тоже сдирал, а не соскабливал чешую, разделявая их на филе по технологии, которой обучила меня мама: первым делом вырезают спинные плавники, чтобы не кололись, затем брюшные, отрезается голова, удаляются внутренности, туша распластывается вдоль хребта на две части, вырезается хребет, отделяется шкура с каждой половины тушки. Голова (без жабр), хребет и кости с не отделившимся на них мясом (особая тщательность не требуется - ничто и так не пропадёт), плавники и хвост идут в уху, а филе жарится в тесте. Филе из судака в тесте даже Сашуля, воротящая от рыбы нос, признаёт за вкуснятину.

— А самым удачным выходом в этот сезон у меня оказался последний. С утра я пытался у берега поймать корюшку для наживки, но не клевало. Тут подошёл наш кочегар Абизов, пьяница и шахматист, мастер по судакам, никогда пустым не бывавший. Маленький, шустрый, без пальцев на правой руке, лет за пятьдесят ему, он бегал по заливу с драным портфельчиком, в котором лежали две удочки и мешок для судаков. Абизов предложил мне идти дальше, к трещине, где судаков ловят, там и корюшка клюет. Я всегда был готов увязаться за Абизовым и пошёл вместе с ним. По дороге наткнулись на мужика, сидевшего в одиночестве между корюшкинскими и судаковыми местами, где никто обычно не ловит; рядом с ним на льду лежала здоровенная щука килограмма на три.

— Лёд был уже совсем плохой. Параллельно краю припая образовалась довольно широкая, местами в метр-полтора шириной трещина, за которую уже не переходили. В трещине нам удалось поймать несколько корюшек, я наживил блёсны судаковых удочек кусками свежей корюшки и стал блеснить прямо в трещине. Абизов отошёл от меня метров на двести, поблизости ловил в лунках Толя Емельянов. И вот буквально за час я выловил четырёх судаков весом в 1 кг, 1 кг 400 г, 1 кг 700 г и 2 кг 100 г (дома взвесил безменом и записал в записную книжку). Причём вытаскивать судаков из трещины было интереснее, чем из лунки: трещина позволяла судакам метаться на лесе с большой амплитудой, и видно их было ещё на подходе, не то что при ловле из лунки, когда морду судака видишь лишь уже в самой лунке.

— От греха подальше я сложил улов в рюкзак и отправился к берегу, не желая рисковать, поскольку уже перебрал пятикилограммовую норму. Абизову же кто-то сказал, что бешено клюёт судак за трещиной, и он, недолго думая, перемахнул через неё и умчался куда-то по разломанному уже льду. У Емельянова к вечеру тоже расклевалось, а Лёха Михалёв рассказывал потом, что он в этот день восемь штук поймал, и что он, подсекая судака в одной лунке, бросал затем удочку, наступал на неё ногой, чтобы судак не утащил, и подсекал в другой - так клевало!

— На мотороллере в этот сезон по льду так и не пришлось поехать - опасно было, ходили все пешком, в крайнем случае - на мопедах ездили, ну и на велосипедах, конечно. А вскоре лёд полностью разломало, и сезон закрылся.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)